

В. И. ОХОТНИКОВА

Принципы литературной переработки источника при создании Василием-Варлаамом Жития Евфросина Псковского

О сочинениях и стиле псковского агиографа Василия-Варлаама, одного из самых плодовитых писателей макарьевского времени, написано много нелестных слов. Василия упрекали в исторических неточностях, плохом знании летописей и нежелании разобраться в историческом материале, дословном переписывании из сторонних литературных источников целых фрагментов. Василия считали не столько художником, сколько ремесленником, отказывали ему в таланте и истинном мастерстве, указывали на многословие как отличительную черту его стиля, избыточного расхожими житийными формулами и приемами. Наиболее последовательно эта точка зрения прослеживается в исследовании В. О. Ключевского. Житие Всеволода, по мнению Ключевского, «довольно плохо составлено»; Житие Александра Невского — это риторическая переделка древней редакции, текст которой Василий расширил, «внося в него свое обычное многословие»; в Житии Нифонта Василий «едва прикрывает многословием недостаток своих сведений о святом».¹ Мнение В. О. Ключевского о Василии как писателе разделял и митрополит Макарий, его оценки звучат иногда еще более категорично, он называет псковского агиографа «самым многоглаголевым писателем своего времени <...> и одним из самых легковверных, нерассудительных и неразборчивых при составлении своих сказаний».² Строгие суждения о Василии как писателе были обобщены в статье Р. П. Дмитриевой из «Словаря книжников и книжности Древней Руси»: «Будучи посредственным писателем, Василий хорошо усвоил тот литературный канон, который ценил митрополит Макарий, приспособился к приемам работы в житийном жанре и сумел создать большое число произведений <...> Но работал Василий ремесленно, компилятивность его сочинений явно видна. Используя традиционную схему житий, он переносил характеристики героев и даже просто целые отрывки текстов из одного жития в другое. В результате этого нередко рассказ о событиях оказывался искаженным. В житиях, написанных Василием, наблюдается скудость фактических сведений, текст распространяется за счет традиционных житийных формул и повторов».³

¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1988. С. 250—262.

² Макарий, митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 4, ч. 1. С. 435, см. также с. 436—438, 443.

³ Дмитриева Р. П. Василий // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1. С. 115.

Заметим, однако, что оценки и определения стиля Василия ограничивались замечаниями общего плана, они, как правило, не конкретизировались, не вырастали из филологического анализа его текстов. Сравнение написанного Василием Жития Евфросина и положенной в основу Жития Повести об аллилуйе⁴ дает возможность раскрыть стилевые пристрастия псковского агиографа, проникнуть в его творческую мастерскую, понаблюдать, как он читает и обрабатывает чужой текст, что в нем принимает как писатель и от чего отказывается, что и как редактирует на уровне стиля. Житие Евфросина Псковского было написано Василием в 1547 г., это первое из известных произведений псковского автора, следовательно, можно говорить о становлении стилевой парадигмы будущего агиографа.

Манера повествования неизвестного автора Повести об аллилуйе весьма своеобразна. Он облакает свои мысли в слова и образы, нечасто встречающиеся в литературе, его стиль сложен, метафоричен, и в то же время он может быть простым и непосредственным. Необычна и композиция Повести, в ней нет последовательно изложенной биографии Евфросина, биографические эпизоды описаны в Повести, по словам Василия, «некако и смутно, ово зде и ово инде» (л. 30 об.),⁵ они включаются в повествование о спорах об аллилуйе как пояснение к имени или как пример духовного подвижничества преподобного. Разбросанные «ово зде и ово инде» рассказы о жизни святого Василий выстраивает в биографической последовательности. Он использует почти весь текст Повести об аллилуйе, в целом сохраняя его стилистику, его образную систему, повторяя риторические приемы своего предшественника. Но нередко в редакции Василия вместо сложного стилистического оборота читается его упрощенный вариант, лишенный метафорической экспрессии.

Приемы стилистической обработки Василием текста Повести об аллилуйе различны. Характерной чертой редакторской правки Василия можно считать сокращение метафорического сочетания, когда из него убираются одно или несколько слов, что делает сочетание более однозначным или же вообще снимает метафоричность значения. Вместо «отврьгохомся паче Бога ради от пазуху любви ею» (т. е. родителей, л. 53)⁶ в редакции Василия читается «отторгохомся от пазуху родителей своих» (л. 53 об.); «всяку скорбь въздржания» — «воздержания» (л. 53 об.); «да коего образа искушением истяжет старца» (л. 16 об.) — «да коим образом потяжет старца» (л. 90 об.); «своеа скорби разоря помысла своего печалный облак» (л. 46) — «своеа скорби разаряа печалный облак» (л. 139 об.); «противу опльчениа Иевля на възражение хулных стрел, сыплемых тмаи клевет от устну его» (л. 59 об.) — «противу ополчениа Иевля на възражение хулных стрел, сыплемых от устну Иевлеву» (л. 150 об.); «съннаго ради въздремания тягости» (л. 88) — «соннаго ради въздремания» (л. 180); и т. д.

⁴ Повестью об аллилуйе мы называем сочинение неизвестного автора, которое стало для Василия основным источником при создании Жития Евфросина. Текст Повести об аллилуйе сохранился в единственном списке РГБ, собр. Ундольского, № 306, он был введен в научный оборот В. О. Ключевским, который первым и высказал мнение о том, что в списке Ундольского читается тот самый текст, который Василий использовал при работе над Житием Евфросина. Текст Повести об аллилуйе опубликован Серебрянский Н. И. Житие преподобного Евфросина Псковского (Первоначальная редакция) СПб., 1909 (ПДПИ Т 173).

⁵ Здесь и далее текст Жития Евфросина в редакции Василия цитируется по списку ГИМ, Синодальное собр., № 634, листы указываются в скобках после цитаты.

⁶ Здесь и далее текст Повести об аллилуйе цитируется по рукописи РГБ, собр. Ундольского, № 306, листы указываются в скобках после цитаты.

Сложное образное выражение Василий нередко трансформирует, превращая входящие в него слова в однородные члены, что также снижает метафорический дискурс текста: «ведый искус стреляния дьяволя лукавства» (л. 54) — «ведый искус, и стреляния, и лукавства дьяволя» (л. 54); «в злолютой горести мучения недуга того» (л. 84) — «въ злом том и лютом мучении и в горести недуга того» (л. 176 об.); «в Команы жизненное солнце покаяния поточается» (л. 72 об.) — «в Команы жизненное солнце поточается, покаянию проповедник» (л. 168 об.); и т. д.

Автор Повести об аллилуйе имеет пристрастие к цепочкам из субстантивных определений: «И множицею сия вся ключахуся преподобному от неприязни, и ничем же възмагаше враг, яко немощен. Покушашеся бо ся вред сътворити множицею святому, испону паче бы некакову, препял люту кознь на поколебание добродетелем его изыществу, но паче своеа немощи борения являющи шатание и святым присно в исчезновение побежашеся» (л. 70—70 об.). Василий пытается разрядить сгущение метафорических смыслов, рождающихся из наслаивания одного определения на другое: «И множицею сия вся ключахуся преподобному отцу от неприязнена духа, и ничем же не можаше искусити святаго, *но благодать Божия храняше его, приражашеся твердому адаманту* и бывше яко прах во исчезновении, от святаго побежашеся» (л. 79). Исчезают «кознь на поколебание добродетелем его изыществу» и «немощи борения являющи шатание»; многозначное «неприязнь» (не только «злой дух», но и «зло», «вражда») уточняется в значении и заменяется на «неприязненный дух»; вводится любимое сравнение с адамантом, которое не раз встречается в произведениях Василия, в том числе и в Житии Евфросина; появляется напоминание о высшей силе, помогающей победить в борьбе с «неприязнью»; «в исчезновение побежашеся» превращается в два однородных члена «бывше во исчезновении» с поясняющим смысл сравнением «яко прах» и «побежашеся».

Примером последовательного разрушения Василием образной структуры текста источника может быть рассказ Филиппа Иову о поражении в споре с Евфросином. Автор Повести об аллилуйе использует развернутое сравнение-метафору, уподобляющее прения с Евфросином ковке железа: «Не преложиша старца витейством нашим от обычая его, но яко жестоку железу не съодолели есмы грънилом учением нашим, ниже паче нимало повинухом его, тьяшко укаряюще словесными млаты, мяхчащи о наковално на нашъ обычай» (л. 41). Образы кузнечного ремесла пронизывают всю фразу и создают сильное метафорическое поле, которое вытягивает в круг своих смыслов все слова и придает каждому из них переносное значение. Выразительная энергия слов в тексте Василия намного слабее: «Не приложихом старца витийством нашим от обычаи его, но яко жестоку железу приразившеся, не соодолехом горнилом нашим, сиречь учением, и нимало повинухом его, тьяшко укоряюще словесы своими, мяхчащи его на нашъ обычей...» (л. 131—131 об.). После логического уточнения слова «горнилом», декодировки метафоры «словесными млаты», устранения выражения «о наковално» метафорические оттенки в значении теряют и другие слова в завершающей части предложения «*тяжко укоряюще* словесы своими, *мяхчащи* его на нашъ обычей», а все высказывание становится более понятным.

Приведенные выше примеры демонстрируют разные приемы стилистической обработки текста Повести об аллилуйе Василием. Наиболее простой и частотный — это замена слова или словосочетания иным, близким по смыслу, но с иными оттенками в значении:

- «страдаше лес» (л 95) — «лес сеши» (л 66),
 «наполним едину рвеницю» (л 96 об) — «наполним един поток» (л 48 об),
 о потоках «свокоупися во едино естъство» (л 97) — «свокоупися во едино течение» (л 48 об),
 «Сей час дни увржеться» (л 98 об) — «се час дни отидет» (л 73),
 «заманув путь преподобному» (л 68 об) — «запен путь святому» (л 75 об),
 «припрази собя бракови» (л 53 об) — «сочетайся браку» (л 53 об),
 «един в пустоше мира сего» (л 54) — «в тимении мира сего един» (л 55),
 «не дрзну по нем за ин супруг засягнути» (л 55) — «не дерзну на сочтание иного брака» (л 57),
 «повръгь подворие» (л 54 об) — «поверг и имение» (л 55),
 «не рачих < > приати» (л 66 об) — «не хотех приати» (л 63 об),
 «имение огласи» (л 67 об) — «имение отдаде» (л 66),
 «пребысть видяи до гроба» (л 67) — «пребысть видяи до отшествия душа своа к Богу» (л 66—66 об),
 «прихождаху» (л 95 об) — «течаху» (л 66 об),
 «остросмыслен ум» (л 14 об) — «остр ум» (л 86 об),
 «погрязе во тмыле» (л 15) — «погрязе во тме» (л 87 об),
 «от своего ему самочиния обучение вдрузил есть» (л 17 об) — «от своего самочиния обылк бе» (л 92),
 «кроме закона и писания обучился» (л 17 об) — «кроме закона и писания обылк есть» (л 92 об),
 «тяшко слово поврещи на святого» (л 18 об) — «тяшко слово возглаголати на святого» (л 94),
 «словом на нь пометающе» (л 18 об) — «словом прекословяще на святого» (л 94—94 об),
 «досадителны являяхуся на нь стрелы» (л 21) — «досадительны пушающе на нь стрелы» (л 99),
 «прилагахуся к ним в трызнице» (л 21 об) — «прилагахуся в соединение на святого отца» (л 99),
 «не приобретши орудья сицева безумному своему труду» (л 41) — «не улучивше желаниа своего» (л 131),
 «пожирая скорбь» (л 43 об) — «побежая скорбь» (л 136),
 «начрътоваа въ спистоли сице» (л 48) — «И писаше в послании сице» (л 142),
 «от прочих невегласий» (л 74 об) — «от прочих неразумных человек» (л 169 об),
 «с великою нужею *испустися* душа его ис телеси» (л 84) — «с великою нужею *изыде* ис телеси душа его» (л 176 об),
 «концем безлепотным» (л 84 об) — «концем нелепым» (л 177),
 «въ иноческом образе и зело пресветлы озрачми» (л 88) — «во иноческом образе и пресветлы зело, яко солнце сияюще» (л 180),⁷
 «Видевы бо его онсица в велице свете в добродетельном его житьи и въ духовных ремствех изрядна сияюща» (л 89) — «Той же Игнатие живописец видев святого отца в духовных добродетелях изрядно сияюща» (л 181 об — 182),
 «И о сем паче приложих скорбети собе и печалити» (л 90 об) — «И о сем же явлении паки впадох в печаль и скорбь неутешиму зело» (л 184),
 «Бысть же егда третьей нощи ряд зздашесь» (л 100) — «Бысть убо егда третьей нощи пришедши» (л 185),
 «и сице смыслях и недомыслих» (л 100) — «и сице в недоумышлении бых» (л 185),
 «уснух в тонце сне трезвяно» (л 100) — «уснух в тонце сне» (л 185),
 «обнажено оружие меч възмахнутую руку свою на высоту предръжа» (л 100 об) — «и в руке своей меч обнажен, простерт на высоту имея» (л 185 об),
 «начах рыдати и хлипати, и рех к нему в умиление слез моих» (л 106) — «начах рыдати захлипаньем слезным, и рех к нему во умилении» (л 194),
 «изыде на торжество празнику» (л 108 об) — «изыде < > к празнеству» (л 197),
 «необлегчимо тогда недугуяи» (л 108 об) — «плоте недугующу» (л 197),
 «в утвари святительской» (л 109 об) — «в святительских одежах» (л 198),
 «умедлявшу Закхею» (л 110 об) — «Закхию закосневшу» (л 199 об),
 «велми крепко уснув зело сладостно» (л 111) — «усну твердо зело» (л 200),
 «възжено бысть все предверие келейное» (л 111) — «и нача горети предверие келейное» (л 200)

⁷ Отметим, что слово «озрачь», «озрак» зафиксировано в «Словаре русского языка XI—XVII вв» в высоком контексте, один пример приведен из Библии Геннадия Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1987 Вып 12 С 313

Для стиля автора Повести об аллилуйе свойственны многочисленные повторы на синтаксическом, лексическом, смысловом уровнях. Автор Повести, безусловно, испытал влияние стиля плетения словес, он любит облакать мысль в близкие синонимические слова и выражения, одна из излюбленных риторических фигур автора Повести об аллилуйе — гендиадис, употребление двух имен или глаголов с почти синонимичным значением и связанных союзом «и». Василий как редактор замечает эти стилевые устремления неизвестного автора, воспринимает их как стилистическое излишество, не имеющее функциональной оправданности, и довольно часто пытается избавиться от ненужных, с его точки зрения, повторов:

- «и как *проумел* будет селику вещь *внести и* въдрузити в Божию церков» (л 16 об) — «и како *изуме* селику вещь въдрузити в церковь Божию» (л 90 об),
 «услышав слух, поведаше бо ся ему от неких» (л 16) — «услышав слух от неких» (89 об),
 «гльчюще и ропщуше» (л 16) — «ропщуше» (л 89 об),
 «яко неции разбойници ко старшему разбойнику схождахуса и срыскахуса» (л 19) — «яко неции разбойници ко старейшине срыскахуса» (л 95),
 «но паче рвѣнуа рвѣноваше огненнымъ по Христе Бозе» (л 19) — «но паче ревнуа духовною ревностию по Христе Бозе» (л 95 об),
 «от научения наказания Иевля» (л 22) — «от научения Иевля» (л 100),
 «о неправедном кову, внезапно напрасно о пришедшем на него» (л 47 об) — «о неправедном кову, внезапно пришедшем на него» (л 142),
 «или тоя воля послушание сътворю» (л 49 об—50) — «или их волпо сътворю» (л 145),
 «хотя тако же и зело желая чрьноризецъ быти» (л 53) — «желая иноческаго спребывания» (л 53),
 «вдавше в руже ему послание свое, книгу сею, в монастырь ко святому» (л 59) — «вда ему послание свое в монастырь к преподобному Ефросину» (л 149 об),
 «единако слищаше и стѣнѣше сердцем» (л 62 об—63) — «единако стѣнѣше сердцем» (л 156),
 «Сице же убо наипаче в попхание и в коризну хулником и досадителем» (л 63 об) — «И во укоризну хулником и досадителем» (л 157 об),
 «зело гнушаася и мръзоствуася тяшкиа вони» (л 84) — «зело гнушаася тяжкия вони» (л 176 об),
 «и ноздри обоняние свое попремногу заемлюще» (л 84 об) — «и ноздри своя от злаго обоняния заемлюще» (л 177),
 «егда же день Божий свет бысть» (л 89) — «егда же день бысть» (л 181 об),
 «к дверем кельи распалившеся и приближивъшу» (л 111) — «к дверем келейнымъ приближивъшуся» (л 200),
 «абие въздрогнув и въскочив» (л 111 об) — «абие въскочи» (л 200 об),
 «огнем и курением дыма займахуса двери на избежение оньсица» (л 111 об) — «огнем займахуса двери келейныя» (л 200 об),
 «честен день и тръжество празнику Трехъ Святитель» (л 109) — «день честенъ святыхъ Трехъ Святитель» (л 197 об),
 «ходатайствомъ его ключимое отключихъ» (л 107 об) — «ходатайствомъ его отключихъ» (л 195 об)

Особенно часто Василий сокращает повторы глагольных форм со значением «говорения»: «глаголаше, *вещающе*» (л. 29 об.); «*рекосте* ко мне, глаголюще» (л. 29 об.); «они же, *отвѣщавше*, реша ему» (л. 37) и т. д. Выделенные курсивом слова не читаются в редакции Василия.

Своеобразным видом повтора является стилистическая симметрия, в форму которой автор Повести об аллилуйе довольно часто облакает свою мысль. Стремление Василия избежать многочисленных повторов касается и стилистической симметрии. Вместо «И тако легаше въ отчаянии живота ему, и *прихода смерти смотряюще*, и гробная прочее помышляюще ему» (л. 109) у Василия читается «И тако лежаше во отчаянии живота своего и прочее гробная помышляюще ему» (л. 197). И далее соответственно:

«и ускори шед, поведоваше слово, со многю коризною и хулою на святого мльваше пятма собором церковным» (л 17) — «И скоро шед, со многю коризною и хулою поведана на блаженаго пятма собором церковным» (л 91),

«И тако убо в рыдании слезах утолися ему мало горесть недуга лютаго и того ради сице въздрема, и в тонце сне въсмяжишася вежда очию его» (л 109) — «И тако убо в рыдании слезах въздрема и в тонок сон сведеса» (л 197 об),

«Бысть убо иногда тый же вышереченный диакон Закхей, приемый исцеление и пришел от болезни въ здравие, таже любви ради и веры ему, иже имяше к Ефросиму преподобному, и прииди тый жити в монастырь святаго» (л 110—110 об) — «По мале же времени прииде въ обитель святаго чудотворца Ефросина сожительствовати той же предиреченный диакон Закхий, приемый исцеление от святаго, верю сдержим» (л 199—199 об),

«яко в суету путь их и въ тшетную вещь труд их» (л 41) — «Всеу тружахомся» (л 131), «И бысть убо приспевшу паче тръжеству и година праздника Трех Святитель» (л 108 об) — «Некогда же празнику приспевшу < > святых Триех Святитель» (л 196 об)

Иногда стилистическая правка Василием текста Повести бывает достаточно интенсивной, и в небольшом фрагменте, одном предложении могут сочетаться разные приемы переработки текста, как, например, в предложении «Оному же тьяшко *спящу* и сносиму зело *глубоким* сном, и ничто же паче бываемаго зла сведущу ему, и *грядущих* не веде *лютых* на нь, но абие слышит въсквозе сонную тяготу многое тлъцание въ двери ему келейныя, но слышаше убужающаго его, а сонныя ради тольстоты не можаше ободритися и стрябитися» (л. 111). В этом предложении Василий в двух случаях сокращает один из членов стилистической симметрии (выделены курсивом), устраняет метафорические сочетания «сонную тяготу» и «сонныя ради тольстоты», убирает из двух однородных членов редкий глагол «стрябитися», но добавляет пояснение «не весть, кто возбужаа его»: «Оному же Закхию тьяшко зело сном сносиму, и ничто же ему паче сведущу бываемаго зла, и абие слышит сквозе сон толцание в двери келейные, и не можаше ободритися от сна, и не весть, кто возбужаа его» (л. 200).

Как пример последовательного разрушения метафорических сочетаний разного типа приведем предложение, содержащее характеристику способностей противников Евфросина «заградити уста» преподобному: «Или сами от него вопрошени будут о сицевой же вещи, да также сице и за веществом словес своих мудрением силни будут отвещати ему, бе бо мудри зело, да еще сугуб *успеваемы* и *велми упространишася* высоким разумом от научения *наказания* Иевля, да мочни будут претися съ святымь...» (л. 22). Выделенных курсивом слов нет в тексте Василия, вместо «сице и за веществом» читается «квитийством», «*успеваемы* и *велми упространишася*» заменяется «наказаемы» (л. 100).

В приведенных примерах изменений Василием текста Повести об аллилуйе наблюдается определенная тенденция: Василий заменяет слова и выражения с экспрессивным значением, с ярко выраженной эмоциональной, стилистической (высокий — низкий) окраской, он разрушает метафорические смыслы, делает слова более однозначными, упрощает грамматический строй предложения. Вариант Василия всегда более нейтральный по своему стилистическому коду. Идеостиль автора Повести об аллилуйе характеризуется большой степенью свободы, при наличии в его произведении сложного комплекса риторических приемов и преобладании языковых средств, маркированных как высокий стиль, он позволяет иногда выражаться «спроста». Василий пытается избежать этих неподобающих для произведения агиографического жанра слов и выражений, деталей и подробностей (см. устранение таких слов, как «стрябитися», «слищаше», «гльчюще» и др.). Так, например, в описании отношения жителей Пскова к монахам Елезаровского монастыря автор Повести об аллилуйе стре-

мится усилить впечатление агрессивности псковичей, подбирая слова с яркой экспрессивной окрашенностью: «И ту паче *роспыхновахуся* на них и жестокими словесы *уязвляющи чювьственное услышание ушесе их...*» (л. 44 об.). В редакции Василия появляется стилистически упрощенный и лексически нейтральный вариант: «и ту паче гневахуся на них, и жестокими словесы укоряюще их...» (л. 136 об.).

Редактирование Василием описания того, как возник пожар в монастыре, может быть примером устранения из текста Повести об аллилуйе излишней бытовой детализации. «И въ един же паки от дни, *позду суще вечеру*, сице бо умедлявшу Закхею в дневном некоем деле, тем и закосновьвшу *съгрети ему келья своя*. И тако ту глубоку сущу вечеру, *и тому паче одинако възгнетивьшу дрова в печи своей на съгрение келья своеа, и тако паче преизгоревшим дровам сущим*, и едина главня велика остася в печи *валяющихся*, он же убо иземь ю ис пещную пазуху учреждения ради келейного, *изнесе ю извну келья своеа*, и тако поверже ю на нутренем дворце...» (л. 110 об.). Василий убирает повторное упоминание о позднем вечере и согревании кельи, а также сокращает описание самого процесса протапливания печи: «и въ един же паки от дни сему же Закхию закосновьшу въ дневном деле, и глубоку сущу вечеру, *нача согрети келию свою*. И едина главня остася в пазуху пещную со огнем, он же изем ю учреждения ради и поверже на нутренем дворце...» (л. 199 об.). Рассказывая о священнике, которому не по силам были строгие монастырские правила, автор Повести пишет, что тот «*абие изем из недр своих лентеон убрус, и связав купно конца его, и наврже на спицу, иже есть над ним в стену вторнута*» (л. 99). Василий оставляет одно слово из сочетания «лентеон убрус», убирает просторечное «в стену вторнута»: «И абие изем из недр своих лентион, и связав конца ему, и наверже на спицу, иже над ним, и обеси себе под пазусе» (л. 73). Читающееся дополнительно в тексте Василия «обеси себе под пазусе», возможно, не добавление Василия, ибо он редко прибегает к детализации и конкретизации действий и явлений, но исключено, что это выражение принадлежит тексту Повести об аллилуйе, но не читается в дошедшем до нас списке Повести.

Обратим внимание в приведенном выше примере на исчезновение в тексте Василия слова «*валяющихся*» при описании головни. Василий избегает таких художественных деталей, которые конкретизируют действие, фиксируют непосредственное и живое впечатление, чувство, жест. Как автор Василий более этикетен. Так, например, в Повести об аллилуйе дается зарисовка того, что чувствуют два посланника Иова, войдя в келью Евфросина для беседы с ним: «Они же убо молчаху и смотряху семо и овамо, яко дмушесе и друг на друга *взирающе, каждо их бяше кроме себе и давляху слово в себе...*» (л. 23 об.). Автор Повести стремится подчеркнуть растерянность героев перед лицом Евфросина (что раскрывается и в дальнейшем их поведении: «не смеяху бо святому воскоре хулы рещи», «внутрь страхом и боязнью съдрьжими»), «ум их в гулы расхождашесе» и т. д.), он нанизывает одну деталь на другую, каждая из них с большей или меньшей экспрессивностью передает степень этой растерянности. Василий редактирует как раз самое «живое» в этой зарисовке состояния героев, он убирает выражение «*каждо их бяше кроме себе*» (л. 102 об.—103). Его как автора более всего волнует приличествующее житийному жанру единообразию, он «реагирует» на резкое «*давляху слово*» и заменяет его на «*таяху слово*», более «благопристойное», но менее соотносимое с общим смыслом и духом описываемой сцены. Переделка Василия помогает понять, что им в этом описании осознавалось как общелитературное, привычное, нейтральное («молчаху и смотряху

семо и овамо», «друг на друга взирающе»), а что воспринималось как нарушение нормы. В этом отношении интересен еще один пример правки Василием текста Повести. Пришедшие в монастырь посланцы Иова просят сообщить о своем приходе Евфросину. В Повести читается: «Таже достигше им обители отца, спроста же поведано бысть преподобному пришествие их, яко: „Воньсица, рече, и воньсица требуют от твоеа святыни благословитися, отче“» (л. 23). В этой фразе примечательно обстоятельство «спроста»,⁸ долженствующее подчеркнуть обыденность происходящего, показать, что в приходе посланцев Иова для братии не было ничего ошеломляющего. Заурядность ситуации подчеркивается краткостью сообщения о пришедших, а просторечная огласовка их именованья «воньсица <...> и воньсица» не только подчеркивает невозмутимость братии, но как бы воссоздает их живую речь. Василий перестраивает синтаксис (два дательных самостоятельных придают повествованию более риторический характер), устраняет все сказанное «спроста»: «Посланным же достигшим обители отца, братиям же поведавшим святому пришествие посланных, яко: „Требуют, отче, от твоеа святыни благословитися“» (л. 101 об.—102).

В редакторских изменениях стиля своего источника Василий логичен и последователен. Не принятый им однажды образ он методично исключает или преобразует и в других случаях его употребления. Дважды в Повести об аллилуйе встречается выражение «вежда очию ему» (л. 98 об.), «вежда очию его» (л. 109), и в обоих случаях Василий исключает из этого сочетания слово «вежда». Дважды убирает Василий и выражение «философства лист». Так образно называет автор Повести об аллилуйе записку, составленную Иовом в помощь Филиппу для споров с Евфросином: «И тако изостривше учением посланных своих и отпустиша их из града, с ними же и послание философства лист, его же сами от себе смудроствавше, в манастырь к преподобному» (л. 23); «Но токмо бяше избытка им еще имуща с собою посланную епистолю от Иева Столпа философства лист...» (л. 38 об.). В целом следуя за автором Повести в оценках знаний и ума противников Евфросина, Василий в том и в другом случае исключает это метафорическое приложение: «И тако Иев Столп изьостривше посланных своих учением и отпустиша их из града в манастырь к преподобному на истязание о пресвятей аллилугии» (л. 101 об.); «Но елико имуще они посланнии, о нем же нам слово, с собою посланную епистолю от философа Иева Столпа...» (л. 127).

Автор Повести об аллилуйе, описывая силу красноречия и значимость жизненного подвига Евфросина, довольно часто использует мотив «огня». Причем однажды заданный мотив-сравнение может периодически вновь возникать в тексте, но в ином варианте: «огненных трудов» (л. 24 об.), «огнедыхательныа уста» (л. 29 об.), «от уст словеснаго пламени богоноснаго отца» (л. 38) и т. д. Василий убирает многие из образных выражений, восходящих к мотиву «огня». Так, характеризуя «великие труды воздержания» Евфросина, автор Повести об аллилуйе пишет: «От младых бо ногот Христа възлюби, и того яремь присно на раму понес в боголюбивей души своей, и богоработною мощью плотью своею и о самовольных болезней *огненных трудов его иссушил* есть паче уже страстное море, темь же из глубины есть многоплетенная стремления, и бесовскаа ополчения, и всю неприазненую силу, и всякое коварство дьяволе, яко паучину, *эжег* всяцем зелным въздржаниемь» (л. 24—24 об.).

⁸ Правда, не исключено, что «спроста» появилось в тексте из «спросиста» в результате описки. Но это весьма характерная описка.

Оппозиция метафорических образов «огненные труды» — «страстное море» создает сложную игру смыслов в данном тексте. Наслоения метафорических значений Василий логически преобразует, поясняет (иссушил постом и т. д.) и переосмысляет связи между образами (в Повести «иссушил страстное море» — у Василия «иссушил плоть»), что лишает слова переносных значений и нивелирует игру метафорических смыслов: «От молодых ногот Христа возлюби и того ярем на раму своим понесе в боглюбивей души своей, и богоработную плоть свою иссуши постом, и бдением, и молитвами, и всенощным стоянием, паче же и страстное море, и потребил есть многоплетенная стремления бесовская, и всю неприазную силу, и всякое коварство диаволе, яко паучину, раздра зелным воздержанием» (л. 104). Сложные синтаксические обороты и метафорические сравнения Повести об аллилуйе явно не отвечают литературным вкусам Василия; редактируя текст, он делает его более ясным и простым как в грамматике, так и в поэтике.

Последовательность и продуманность правки Василия можно проследить и в его отношении к определенным словам. В Повести об аллилуйе очень часто встречается слово «притча» в разных значениях и контекстах. Василий использует это слово с большой осторожностью. Так, он оставляет его в сочетаниях «въ знамение и в притчю» (л. 157 об.), «испушашеся в притчю тяжкое знамение всему миру» (л. 168), «приведох <...> въ притчю богоносному отцу Ефросину» (л. 172). Однако Василий не принимает употребление слова «притча» в значении «неприятный случай, беда, несчастье, болезнь». Так, сравнивая злую смерть Иова с тем наказанием, которое постигло царицу Евдоксию, автор Повести пишет: «Яко же иногда на Фегдохсию царицу, тако и оному приключися сице от богопопущенаго гнева пострадати, притьча сицева, яко восмрьдетися ему нестерпимым смрадом и съгнати от главы и до ногу язвами, и проказами, и чръвми живу кипети ему...» (л. 19 об.). Василий полностью повторяет этот текст, исключая только выражение «притьча сицева» (л. 96 об.). Исключает Василий (л. 101) и выражение «в притчю» в значении «случайно» в следующем тексте: «яко да аще неуспешни будут послании от них словом изо уст претиса съ святымь или да в притчю забвениемь поползнутья, не ведуще, о чемь въпросити...» (л. 22 об.). Слово «притча» становится в тексте Василия однозначным, оно маркировано как слово высокого стиля.

В Повести об аллилуйе многие слова имеют такие значения, которые не фиксируются в других произведениях. Так, например, слово «доктор» в русском языке появилось, вероятно, довольно поздно, в «Словаре русского языка XI—XVII вв.» оно впервые зафиксировано в переводе Дмитрия Герасимова трактатов против иудеев Николая де Лиры (1501 г.), в словарной статье перечислены следующие его значения: врач; человек, имеющий высшую ученую степень; специалист в области техники.⁹ В Повести об аллилуйе слово «дохтор» имеет значения, не отмеченные в «Словаре». Характеризуя двух сторонников Иова Столпа, «бывшаго дьякона» Филиппа и некоего священника, автор Повести пишет: «Той бо бяше премудр дохтор на книжную силу, изящен философ <...> и священника некоего, обоже мудра зело философа, ведуще оба писмена и глубину законну обоа Завета Ветхаго же и Новаа благодати» (л. 21 об.). Значение слова «дохтор» в данном контексте приблизительно такое же, как и «изящен философ». Василий упрощает описание мудрости противников Евфросина: «посылают <...> Филипа роздиакона и другаго с ним некоего

⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 293

священника, оба мудра зело философа, ведуща Ветхая и Новаа Писания» (л. 99 об.). И в данном случае редакторскую правку можно объяснить как сокращением повтора, так и нежеланием Василия давать столь лестный отзыв противникам Евфросина, о чем свидетельствует и замена метафорической характеристики их знаний на «ведуща Ветхая и Новаа Писания». Однако другие примеры убеждают в том, что Василий сознательно избегал употребления именно слова «дохтор».

Еще раз слово «дохтор» автор Повести употребляет при описании действий Иова и его единомышленников против Евфросина. Готовя к спору с Евфросином Филиппа и некоего священника, Иов составляет для посланников «епистолю некою от своеа имь силы и премудрости, в ней же начрѣтоваху бяше дохторы своа» (л. 22 об.). Затем, при изложении самой дискуссии Филиппа и Евфросина, возражение Филиппа Евфросину в Повести начинается словами: «Елма убо сице по словесех святого наченшим имь простирати к не [так!] дохторы своа и глаголате тако сицевая словеса» (л. 27 об.) В обоих случаях Василий убирает выделенные курсивом слова. Контекст позволяет определить значение слова «дохторы» как «теории», «измышления», причем с негативным оттенком. Исключение слова «дохтор», «дохторы» из текста вызвано, по-видимому, непривычностью, редкостью употребления этого слова в литературном окружении Василия.

Особо отмечу одно слово, которое, вероятно, возникло в результате описки, хотя не исключено, что это просто редкое слово, неизвестное по другим памятникам: «Бе бо многими леты проводил есть живот свой елма и моглукукие старости, и николи же ослабев малодушьствомъ» (л. 24), у Василия соответственно: «Бе бо многими леты препроводил есть живот свой в мастите старости, николи же ослабе малодушиемъ» (л. 103 об.).

«Густота» и интенсивность правки Василия может быть различной. Менее всего Василий позволяет себе касаться тех фрагментов, которые содержат богословские рассуждения, в частности, дается истолкование смысла аллилуйи. Почти нет стилистической правки в молитвах Евфросина, а также в Послании Евфросина Евфимию и в ответном Послании Евфимия. Большая часть правки приходится на биографические фрагменты текста. Проанализируем цельный фрагмент текста и на примере главы «О приходе Серапионе к преподобному...» посмотрим, как реализуются описанные выше приемы стилистической правки Василием (л. 40—45 об.) текста Повести об аллилуйе (л. 90 об.—94 об.). Повествование о Серапионе, первом иноке, пришедшем к Евфросину на реку Толву, не выделяется особенной сложностью на фоне других глав, по поэтике это типичный для автора Повести текст. Начало рассказа о Серапионе носит повествовательный характер, текст состоит в основном из глагольных конструкций и не содержит сложных стилистических оборотов. Изменения, сделанные Василием в начальной части рассказа, минимальны, это, как правило, исключение отдельных слов, выражений, которые можно считать тавтологическими: «пожив мало нечто у преподобного купно с ним», «не восхоте пребыти у него прочее до конца, но хотяше инуди отити ис пустыни от него» и др. Курсивом выделены не читающиеся в тексте Василия слова. Серьезная правка начинается с описания ухода Серапиона от Евфросина. Рассказывая о переходе Серапиона через «поток мал», автор Повести об аллилуйе пишет: «вышереченый же убо Серапион пришед абие к потоку тому и углубления ради тины многыа и рвеница ради источника и начат дресеа сеци, да приидет немокрено нужу рвеници. И абие въ притчу омахнувся сокерею и отсече колено

левое...». Василий убирает сочетания из нескольких существительных, «рвеница» заменяет на «поток» или вообще исключает это слово: «Серапион же абие пришед к потоку оному, и нача древие сеши на прохождение оного потока нужнаго, и внезапно сечивом отсеке колено левыя ноги...». В тексте Василия преобладает описание действий, остается лишь один эпитет «потока нужнаго», исчезают все образы, в которых автор Повести попытался передать мощь и силу ручья: «углубления тины многыа», «рвеница источника», «нужу рвеници». Отметим и другие замены, сделанные Василием в приведенной цитате: «внезапу» вместо «в притчю», «сечивом» вместо «сокерею»,¹⁰ исчезает и глагол «омахнувся»,¹¹ неопределенность значения которого («замахнуться» и «промахнуться») позволяет автору Повести очень точно передать жест Серапиона.

В сложную многоступенчатую метафору преобразует автор Повести об аллилуйе традиционный житийный мотив умывания лица слезами: Серапион «лица же своего никако же умываше водою, но токмо руце свои, а лице слезами омывающе, бе бо они [так!] ему выну слез исполнени и присным хлипанием, духовною теплотою душа его восклицаючи, и сердечныа зрила ему благодатною водою обливахуся, и отрыгновены присно на всегдашнее рыдание течению слез ему». Автор Повести об аллилуйе в триаде созданных им образов ведет читателя от внешнего (очи) к внутреннему (душа) и создает не совсем обычную по словесной форме метафору — «сердечныа зрила», которая, соединяя через слезы очи и сердце, выражает мысль о прозрении сердечном. Метафора «сердечные очи» довольно часто встречается в произведениях древнерусской литературы,¹² однако в Повести об аллилуйе она обновляется и выглядит необычно, ибо слова «зрило» — «зрила» не зафиксированы в словарях древнерусского языка. Василий сохраняет триаду очи — душа — сердце: «Лица же своего никако же умываше водою, но токмо руце, а лице слезами умываше, бе бо очи ему по вся дни слез исполнени духовных и хлипания теплоты душа его, сердце же его благодатною водою обливахешя и отрыгновено присно на всегдашнее рыдание слез его». Текст Василия становится более однозначным, в нем исчезают внутренние связи в цепи образов («очи» — «сердечныа зрила»), близость сущностей подменяется внешней логической последовательностью: очи полны слез, душа — «теплых хлипаний», сердце обливается «благодатною водою». Замена метафоры «сердечныа зрила» на «сердце» характерная примета более спокойного и нейтрального стиля Василия.

В Повести об аллилуйе чувствуется вкус к слову, движению и игре его смыслов; используя образ самого автора, можно сказать, что слово его «катяшешя от уст его слышащим в скровища сердечныа». Это выражение автор Повести об аллилуйе использует, описывая впечатление от чтения Серапионом Псалтыри: «Псалтырь баше преизяшно из уст ему, и присно глаголаше ю в соборе церковном, и слово его от уст его дострочно исправляя и вршашешя, и яко чистый бисер катяшешя от уст его слы-

¹⁰ В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» примеры на слово «секира» приводятся в основном из библейских текстов и переводной литературы (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1999 Вып. 24 С. 38), что позволяет сделать вывод о восприятии этого слова как слова высокого стиля.

¹¹ Судя по материалам «Словаря русского языка XI—XVII вв.», глагол «омахнувся» тоже довольно редко встречается в памятниках древнерусской литературы. Примеры в словарной статье даны из Геннадиевской Библии и Палеи 1406 г. См. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 12 С. 364.

¹² См., например Коновалова О. Ф. Традиционная метафора в «Житии Стефана Пермского» // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 246—248.

шашим въ скровища сердечныя».¹³ В Повести об аллилуйе автор стремился передать волнующую красоту чтения Псалтыри Серапионом: «преизящное» произношение стихов перевоплощается в «бисер слов», которые «катятся от уст его». Василия не увлекает эта игра смыслов, для него важнее вписать чтение Псалтыри в рамки исполнения Серапионом монастырского устава: исчезает слово «преизящно», дается длинное этикетное перечисление того, когда и где читались псалмы Давида: «Наставника своего блаженнаго Ефросина подражая житию, правила же своего келейнаго нимало оставляше, псалмы же Давыдовы всегда глаголаше, сеядя или делая что И соборнаго пения никако же оставляя, разве великия мужа, и в церкви глаголаше псалмы Давыда пророка, и божественное Писание почиташе. И от уст его слово исходяше дострочно и вершашеся, яко чистый бисер, слышашим в скровища сердечная». Сравнение «яко чистый бисер» в Повести об аллилуйе пронизано внутренними связями со всеми образами в предложении, в тексте же Василия оно становится более формальным. Глагол «катящешя» в Повести об аллилуйе художественно завершал процесс перевоплощения и движения произносимого слова: оно исходит из уст, приобретает форму¹⁴ и катится, как бисер, в сердце. В тексте Василия происходит «переадресовка» сравнения, оно соотносится с глаголами «исхождаше», «вершашеся», менее явной становится его связь с образом «скровища сердечная», кроме того, возникают странные грамматические связи в сочетании «вершашеся <...> слышашим в сокровища сердечная».

Как и в других случаях, в рассказе о Серапионе Василий исключает или сокращает развернутые образные сравнения, которые кажутся ему, по-видимому, не совсем уместными своей приземленностью. Так, автор Повести об аллилуйе стремление Серапиона к затворничеству сравнивает с летящей в гнездо птицей, высиживающей яйца: «И яко птица паряше на гнездо свое к съргению яйцом, а онъсица молитвеннаго плода снабдяше и грешае богатное изьобилие духовное и теплотную любов, еа же имешае присно по Бозе». Данный текст полностью исключается Василием.

Сообщение о погребении Серапиона автор Повести об аллилуйе завершает похвалой его аскетической жизни: «Се поистинне и въистинну яко воин Христов, и всякое странное [так!] наслаждение мимотекущее храборьскы, яко тимение, огнушав, тако велми зело тлимую ржавину, всяк гнус человеческия суеты, яко духовен муж, от душа своеа оттрас, темже и уяснивы краснейше душевное злато в небесное съкровище душу свою богоработную блаженный Серапион». Василий следующим образом трансформирует содержание и форму этого предложения: «Се поистинне, яко воин Христов, всякое страстное [так!] наслаждение мимотекущее человеческия суеты храборски, яко тимение, от душа своя отгнав, темже уясни богоработную душу свою краснейше злата в небесное сокровище блаженный Серапион». Появление у Василия эпитета «страстное» вместо «странное» объясняется, вероятнее всего, тем, что в списке Ундольского

¹³ Этот же образ «слово — катящийся бисер» автор использует, характеризуя процесс описания им явления Богоматери «И того ради отврьзох тяжкое прещение грехов моих и дръзнух катити, не стыдящешя и не съмнящешя, многоценным бисером, и свет славы Божия темницею мльчання оключен тмою и немльчанием снати ему, присно расклучих тму мльчання, темже и дръзнух написати явление Богоматери» (л 107) В редакции Василия приведенная фраза предельно упрощается «И того ради отверзох тяжкое прещение грехов моих и дръзнух написати явление Богоматере» (л 195 об.)

¹⁴ В «Словаре русского языка XI—XVII вв» не зафиксировано переносное значение глагола «вершатися» — «вершиться» (Словарь русского языка XI—XVII вв М, 1975 Вып 2 С 106, 108)

в данном случае описки, в списке же, которым воспользовался Василий, читалось «страстное наслаждение». Все остальные разночтения еще раз демонстрируют приемы стилистической правки текста Василием: он устраняет повтор, убирает метафорическое описание наслаждений жизни человеческой, оставляя только невыразительное от частого употребления выражение «человеческая суета».

Исключает Василий и экспрессивные в своей натуралистичности детали в описании нищенской одежды Серапиона. Автор Повести об аллилуйе, нанизывая определения как в форме прилагательного, так и в форме родительного падежа, используя эмоционально окрашенную лексику, дает возможность осознать противопоставление «риз» — «рубищам»: «Ризы же его бяше страньныа и раздраныа ветхая рубища, вьшми посыпаны, и сея же ради ветхости и исикерности и никто же взят их от братия обители тоя...». Текст Василия лишен экспрессии и натурализма: «Ризы же его бяше страныи и ветхи, в них же хожаше блаженный, и никто же взят их от братии обители тоя...».¹⁵

Целый ряд изменений, характерных для редакции Василия, обусловлен стремлением изобразить Евфросина в более традиционном для жития образе как идеального христианина и подвижника, превосходящего всех своей кротостью, трудолюбием, мудростью, милосердием и т. д. Подобные разночтения с Повестью об аллилуйе в редакции Василия встречаются довольно часто. Имеются такие разночтения и в главе «О прихождении Серапионове...». Серапион вынужден вернуться к Евфросину, так как рассек топором колено, он кается и дает обет никогда не покидать своего учителя. В редакции Василия этот эпизод дополняется сценой встречи Евфросином Серапиона: преподобный кротко принимает Серапиона, утешает его и прощает («Святый же незлобием и кротостию приат его <...> и прощение ему дарова» — л. 41—41 об.). И далее автор Повести пишет о трудах и подвигах Серапиона, столь жестоких, «яко превосходити ему *святаго* добродетelmi». Отмечаемое в Повести превосходство Серапиона над Евфросином воспринималось Василием, видимо, как уничтожение достоинств святого, и он «подправляет» текст источника: «яко превозходити ему *всех* в *святаго* обители добродетelmi».

Подобные же разночтения встречаются и в других главах. Так, в «Чюде о Кононе черноризце» рассказывается, что раскаявшийся Конон возвращается ослепшим в монастырь к Евфросину, просит прощения за причиненное ему зло. В Повести об аллилуйе Евфросин обращается к Конону со словами: «„Бог да простит ти, брате, и пребуди, якоже глаголеши, понеже аз присно жадах душа твоеа спасения“. Брат же убо прозрев абие...» (л. 67). В редакции Василия речь Евфросина более пространна, она вводится словами «Святый же рече ему тихо и разумно», и лишь заканчивается теми же словами, что и в Повести об аллилуйе. Затем преподобный начинает молиться, Василий приводит текст молитвы, и только после молитвы сообщается об исцелении Серапиона: «И абие в том часе прозре брат благодатию Христовою и молитвами *святаго*, и вси прославиша Бога о сем чюдеси» (л. 65 об.—66). В главе «Повесть о некоем священнике, пришедшем из Новагорода в пустыню к преподобному» в редакции Василия вначале подчеркивается негативность намерений новгородского священника, он приходит к Евфросину «неверием содержим» (л. 70 об.), затем, убедившись в строгости монастырского чина, он «в

¹⁵ Отметим редкое, не отмеченное в словарях древнерусского языка слов «исикерность», то ли один из неологизмов автора Повести об аллилуйе, то ли, напротив, архаизмов, учитывая морфологическую структуру слова (сохранение корня — «сѣк» — «сик»)

себе чюдяшеся и похваляше добродетельное житие, и труды, и постное пребывание отца нашего великаго Евфросина» (л. 73). Эти же слова повторяются и в его рассказе «знаемым» о жизни монахов Елеазаровского монастыря, он с удивлением описывает им «святаго исправление и братии его добродетельное житие, и труды, и постное пребывание, и всенощное бдение, и на земли легание, и прочая добродетели его к Богу» (л. 74). Этим чтений нет в Повести об аллилуйе, как нет и завершающей рассказ фразы, подводящей итог тому впечатлению, которое произвел Евфросин на новгородского священника: «И тако священник он зазираше в себе добродетельному житию отца и над смиренными не возношашеся и до кончины душа своя, якоже рече ему преподобный Евфросин» (л. 74 об.).

В главе «О исхождении святаго в нутренюю пустыню» (л. 74 об.—79 об.) также имеется несколько подобных по смыслу добавлений: распространено наставление Евфросина своему спутнику, включен плач инок, взволнованных тем, что Евфросин не вернулся в монастырь («Увы, нам, увлы нам, господине отче <...> Таже и прочаа молебныя глаголы изрекоша братия по святем»), подчеркнута их радость при виде Евфросина, они обрели вновь «без надежи живота своего учителя», поклонились «блаженному отцу, наставнику своему, до земля со слезами». Все приведенные цитаты не читаются в Повести об аллилуйе.

Такая же тенденция прослеживается и в немногочисленных разночтениях «Повести о Иове философе»: усиливается негативная оценка противников и позитивная самого Евфросина. Так, возлюбив земные наслаждения, женившись вторично, Иов Столп, «яко Иуда», Христа предал (л. 88). Единомышленников Иова Василий именует «злии онии суровии клеветницы» (л. 94 об.). Когда посланные от Иова пришли к Евфросину, то начали речь свою «яко неистови» (л. 105). Евфросин в этой главе постоянно именуется «святым отцом», «блаженным отцом», «преподобным отцом нашим» и т. д. Он с детства «Духу Святому жилище сътвори в себе» (л. 105), его беседа «яко поток, течаше из уст святаго отца противу им» (л. 105 об.). После объяснения Евфросина, почему он дважды возглашает аллилуйя, пришедшие к нему единомышленники Иова «не можаше противитися богоноснаго отца премудрости и разуму, еже глагола к ним, Духу бо Святому глаголющу из уст святаго отца» (л. 127). Рассказывая Иову о своих прениях с Евфросином, они признаются в собственной беспомощности: «Но умысли о сем злохитренем старцы, како нам его посрамити и покорити под ноги наша, понеже бо яко пламен из уст его исхождаше, и не могохом претися с ним противу премудрости его и силе» (л. 131 об.). Комментируя их действия, Василий замечает: «Приравнившись твердому адаманту и не соодолеша его, но сами одолени быша и падоша, а адаманта не поколебаша» (л. 132 об.). Далее в уста Иова, который «по всему граду вопиаше» против Евфросина, называя его еретиком, в редакции Василия вложены слова, в которых Иов признает то великое уважение, которое псковичи и он сам питали к Евфросину, что и он считал ранее Евфросина «святым мужем»: «Вы его вси мните яко аггела Божиа за его великое воздержание и яко светилника, сияюща в нашей земли, прославляете его. И мы его мнели свята мужа, и благочестия исполнена, и верою и воздержанием яко аггела Божиа. И ныне во истинну разумехом, яко еретик есть сей старец сей старец Евфросин, его же вы мните свята и праведна. Несть се тако, но яко еретик есть» (л. 133—133 об.). Подводя итоги спорам об аллилуйе, Василий еще раз обращается к часто используемому им образу «адаманта», чтобы создать впечатление несокрушимости взглядов Евфросина («Святой же терпяше

Бога ради <...> а святыи воста и исправися пред Богом», л. 157 об.— 158). Все приведенные цитаты не читаются в Повести об аллилуйе. Возможно, некоторые из них не принадлежат перу Василия, как, например, фраза «Но умысли о сем злохитренем старцы, како нам его посрамити и покорити под ноги наша, понеже бо яко пламен из уст его исхождаше, и не могохом претися с ним противу премудрости его и силе» (л. 131 об.), которая вполне отвечает стилю автора Повести об аллилуйе.

Большей идеализации в редакции Василия подвергается не только Евфросин, но и иноки монастыря, их образ жизни, поведение изображаются более этикетно: они произносят пространные речи и молитвы, скорбят, плачут, об этом уже писалось при анализе различий в главах «О исхождении святого в нутренюю пустынь», «О преставлении святого» и др. Приведу еще один пример из главы «О Мартирии черныцы». Мартирий — младший брат Игнатия, Харлампия и Памфила, учеников Евфросина, по примеру своих братьев решил постричься в монахи, но братья повелели ему жить с родителями, его женили, однако мирская жизнь тяготила Мартирия, он сокрушался, что живет «в смраде и тимении века сего суетнаго». «Сиа же ему с рыданием глаголаху, и паче сие не косня, абие вѣстав и оставь родителя своя и жены любовь, поврьгь подворие и изыде съ дръзновением из дому» (л. 54 об.) — так излагаются события в Повести об аллилуйе. В редакции Василия поступкам Мартирия придается большая религиозность, любое решение он принимает с молитвой и обращением к Богу. Прежде чем уйти из дома, он «слезы испущающе от очию», вспоминает «слово Христово, глаголющее: „Аще кто не оставит отца и мать, жену, и дети, и род, и имение, и села имени моего ради, не может ученик мой быти“» (л. 55). Затем он, «Бога в помощь призвав», произносит молитву и только после молитвы устремляется в монастырь (л. 55—55 об.).

Василий во всех своих произведениях удивительно единообразен, он очень ясно представлял себе, какими должны быть житийные герои и в каких словах следует описывать ту или иную ситуацию; руководствуясь этими представлениями о должном, он и редактировал свои источники, и составлял новые жития. Проследим, как в двух произведениях описывается желание принять монашество и констатируется факт пострижения. Автор Повести об аллилуйе, как правило, использует слова, производные от «чернец», Василий же постоянно заменяет эти выражения на более высокие «аггельский образ», «иноческий образ», полученное при пострижении иноческое имя обязательно вводит словами «наречено бысть имя ему»:

«да сподобить его чрънческаго образа» (л. 50 об.) — «да сподобит его аггельскаго образа» (л. 49—49 об.),

«и бысть чръноризецъ Игнатий» (л. 51) — «и наречено бысть иноческое имя его Игнатие» (л. 49 об.),

«Пострижен бысть и той управлениемъ святого, и бысть черноризецъ Памфил именем» (л. 52) — «И той управлениемъ святого пострижен бысть во аггельский образ, и наречено бысть имя его Панфилий инок» (л. 52),

«священникъ быти саномъ» (л. 52 об.) — «чиститель быти саномъ» (л. 52)

«желая чръноризецъ быти» (л. 53) — «желая иноческаго спребывания» (л. 53),

«искусен будеши в чрънеческом образе» (л. 53 об.) — «искусен будеши во аггельском образе» (л. 54),

«и бысть велениемъ преподобнаго черноризецъ Мантирие» (л. 54 об.) — «и пострижен бысть велениемъ святого во аггельский образ, и наречено бысть имя его иноческое Мартирие» (л. 56),

«Святыи же старецъ повеле абие и того такоже инока быти, и бысть черноризецъ Филарет» (л. 56) — «Святыи же повеле и того облещи въ аггельский образ, и наречено бысть имя его иноческое Филарет» (л. 58)

Ну и, конечно, редактируется такое выражение, как «не рачиша ему влести ему желаниемъ в иночески образ» (л. 53); вместо этого у Василия читается «не рачиша ему иноческий образ приати» (л. 53)

Не принимает Василий и следующее метафорическое определение иноческой жизни, которое дается при описании чувств и мыслей юной жены Мартирия, которую он оставил и ушел в монастырь: «Видевше жи собя осиротевше вдовъством, яко мужа еа любве ради Божиа разлучилса есть от нея и *въ свет вниде живота, в божественое трызнице, на вечную жизнь въступи, то паче и она...*» (л. 55), выделенные курсивом слова не читаются у Василия (л. 56—56 об.).

Идеализируя святого и его сподвижников, усиливая негативное изображение их противников, Василий осторожен в оценке тех, кто занимает высокое положение. В Повести об аллилуйе содержится нелюбимая оценка архиепископа Евфимия (вероятнее всего, имеется в виду Евфимий II — 1434—1458 гг.), который в своем ответе на послание Евфросина не разрешил окончательно спора между Евфросином и Иовом о сугубой аллилуйе, не вмешался и даже не высказался определенно о своих взглядах на то, надлежит двоить или троить аллилуйю: «Еуфимий ничто же внят от ней или разсудив о ключимей скорби и печали, бываемыа на святого от врага брани, Иевъм Столпом нелепая словеса. Понеже бо архиепископ Еуфимье свят житием и препрост обычай имый, книжной премудрости, купно же тако и к законному разсужению неглублен искус учительства имый, и сего ради ничто же управи или разсудив святому о вещи, токмо отписав к преподобному...» (л. 57). В редакции Василия характеристика Евфимия усечена со слов «понеже бо» (л. 146 об.—147). Оценка Евфимия, в которой отмечаются как положительные стороны его личности («свят житием»), так и его неискушенность в книжной премудрости, органична для автора Повести об аллилуйе, который не испытывает особого пиетета по отношению к новгородским церковным властям. Василию же, напротив, свойственно чинопочитание и соблюдение этикета не только литературного, но и жизненного. Все упоминания о архиепископах и владыках в редакции Василия имеют более этикетный вид, что обнаруживает неизменное уважение автора к церковным чинам и иерархам. В этом отношении весьма интересны разночтения в рассказе о рукоположении в священники ученика Евфросина Игнатия. В Повести об аллилуйе говорится, что Евфросин, убедившись в добродетелях Игнатия и его твердом решении следовать житию своего учителя, решает, что Игнатий должен принять священнический сан: «И сего ради внят о немъ, и разсуди духовнаго подвижника, яко о сем паче и того ради достоинъ есть священническаго сана. Тому же великому дару и сподобленъ бывает повелениемъ святого старца и властью архиепископа Иоанна» (л. 51—51 об.). Текст в редакции Василия стилистически переработан, он стал конструктивнее в грамматическом отношении, в нем подчеркивается значительность Евфросина («доброразсудная главо») и его роль в этом событии, неизвестный архиепископ Иоанн превращается в архиепископа новгородского и псковского, именно он прежде всего и имел право рукоположить Игнатия: «И сего ради внят о немъ святой, и разсудив добродетельная та глава, яко достоинъ есть великаго дару священническаго сподобитися. Таже сподобляется священничества повелениемъ святого и властью архиепископа Великаго Новаграда и Пскова владыкы Иоанна» (л. 50). Превращая архиепископа Иоанна в архиепископа новгородского и владыку Ивана, Василий допускает неточность, что было отмечено еще Н. И. Серебрянским.

Думается, приведенные сравнения убеждают, что, работая над составлением Жития Евфросина, Василий стремился упростить стиль автора Повести об аллилуйе, сделать его более нейтральным, избежать крайностей: как чрезмерной выразительной образности, так и недопустимой с точки зрения этикета опрошенности. Насыщенность метафорическими смыслами, перегруженность типичными для поэтики средневековья риторическими фигурами и приемами, характерные для стиля Повести об аллилуйе, однако, не превращают Повесть в произведение бездушной риторики. «Плетение словес» неизвестного автора в биографических частях Повести Василий воспринимает как многословие, убирает из текста многочисленные повторы и упрощает метафорические наслоения. В модификации Василия текст Повести об аллилуйе, упорядоченный и упрощенный, становится менее экспрессивным и многослойным по значению, более сухим и однообразным. Именно эти черты и станут впоследствии основой стилевой парадигмы псковского агиографа.